
Я. С. СМЕРНОВА

АТАЛЫЧЕСТВО И УСЫНОВЛЕНИЕ У АБХАЗОВ В XIX—XX ВВ. ¹

I

Среди родовых институтов, еще недавно сохранявшихся у абхазов, значительный интерес представляют институты аталычества и усыновления, игравшие в феодальной Абхазии весьма сходную социальную роль.

Аталычество, т. е. отдача детей на воспитание в другие семьи (абхазский термин *аадзара* так и переводится — «воспитание»), было в Абхазии широко распространено вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, преимущественно в среде привилегированных сословий. Среди крестьян распространение этого обычая было невелико, хотя несомненно имело место и здесь. Несколько таких случаев нам удалось зафиксировать в 1947—1948 гг. со слов стариков-информаторов. В самом конце XIX в. крестьянин-анхайю Ч. Тарба отдал дочь на воспитание крестьянину-ахуйю ² В. Тания. Живший в Очамчирском районе священник И. Кучуберия воспитывал дочь в семье крестьянина Анкваб в Гудаутском районе. В с. Дурипш Гудаутского района дочь крестьянина-анхайю М. Базба воспитывалась в семье бедняка Ч. Гурдзания. Примеры воспитания крестьянских детей обоего пола в семьях аталыков нетрудно умножить, но все это — лишь отдельные случаи, между тем как у высших сословий аталычество было редко нарушаемым правилом.

Обычно княжеские и дворянские дети воспитывались в семьях крестьян анхайю или ахуйю, реже в других княжеских или дворянских семьях. Лишь в самых редких случаях княжеская или дворянская семья сама воспитывала ребенка, приглашая в дом кормилицу-крестьянку. Бывшая княгиня, 88-летняя Е. К. Дзяпш-ипа, рассказывала нам, что из четырех ее дочерей одна воспитывалась в семье крестьянина-анхайю О. Кеута, другая — у крестьянина-ахуйю Т. Гурава, третья — у крестьянина-анхайю Д. Ануа, четвертая — у крестьянина Б. Водзба; из четырех ее же сыновей трое провели детство в крестьянских семьях, один — в дворянской. По рассказам жителей с. Ачандара, дочь князя Мурказана Анчабадзе, Лиля, воспитывалась в семье ачандарского крестьянина Муходжия, а ее сестра — в доме крестьянина-анхайю Х. Хакба. Дочь князя Нахарбея Инал-ипа воспитывалась в семье ачандарского крестьянина М. Цужба. Жительница этого же селения К. Аджиба сообщила нам, что ее муж воспитывался вместе с дворянкой, дочерью М. Лакербая, находившейся в доме родителей мужа. 83-летняя С. Тарба, крестьянка с. Дурипш, рассказала нам, что она воспитывала дочь дворянина Т. Микамба. Дочь дворянина Т. Моргания воспитывал хопский крестьянин А. Кучера и т. д.

¹ В основу статьи положен полевой этнографический материал, собранный во время наших поездок по Абхазии в 1946—1948 гг.

² Сословия *анхайю* и *ахуйю* соответствовали в феодальной Абхазии категориям полукрепостного и крепостного крестьянства.

Довольно часто княжеские и дворянские дети воспитывались в семьях других представителей высших сословий, куда нередко приглашалась кормилица-крестьянка. Так, дочь князя Кизилбея Инал-ипа, Вера, по рассказу ее сестры Ольги, воспитывалась в доме кодорского дворянина Моргания. Сын князя Баталбея Маршания, Алмасхит, воспитывался в доме одного из представителей боковой ветви этой же фамилии, а сам князь Баталбей взял на воспитание мальчика из другой княжеской семьи³. Бывали, наконец, случаи отдачи детей на воспитание людям другой национальности. Известно, что князь Хамудбей (Михаил) Шервашидзе был воспитанником черкесов, князь Тараскан Анчабадзе воспитывался в Джигетии⁴, мегрельский князь Беко Сабагаро — в Абхазии⁵ и т. д. По словам же упомянутой нами Ольги Инал-ипа, она провела свое детство в доме мегрела Н. Баркалая, с другой стороны, дочь мегрельского князя К. Хеция воспитывалась в Хопах, в семье абхаза А. Григолия.

Институт аталычества в основных чертах одинаков для всех сословий. Обычно, как только становилось известно, что в семье человека, заслуживающего внимания своим происхождением, положением или богатством, должен родиться ребенок, желающие быть аталыками предлагали свои услуги. По этому поводу даже происходили ссоры: Е. К. Дзяпш-ипа рассказывала нам, что когда у нее должна была родиться дочь Софья, воспитателями ее стремились быть сразу две семьи крестьян анхайю — Османа Кеута и Кягуа Кеута. Девочку отдали в семью Османа Кеута, тогда Кягуа поссорился с Османом и не разговаривал с ним в течение трех лет. В дом, где должен был родиться или родился ребенок, приезжала кормилица-аталычка, которую иногда сопровождал муж и, как правило, несколько близких родственников ее или мужа. Чаще всего это были братья, сестры, племянники, племянницы, мать. Иногда приезжали и ближайшие соседи будущих воспитателей. Уже через несколько дней после рождения ребенка происходила торжественная церемония передачи на воспитание, после чего ребенка увозили. В этот день с утра готовилось угощение, собирались родственники и соседи семьи новорожденного. Среди пира поднимался отец, а если он был молод, то отцовский дядя, дед или просто старейший из присутствовавших родственников ребенка, и произносил небольшую речь, поручая дитя заботам воспитателей. Ответную речь держал будущий аталык⁶ или же один из родственников аталыка или кормилицы⁷. Различия в показаниях объясняются, возможно, тем, что аталык не всегда приезжал за ребенком, а, возможно, местными вариантами. По окончании речей раздавались выстрелы, с последним из которых (по Дубровину и Савинову при седьмом⁸) человек, произносивший речь, передавал колыбель с ребенком тому, кто держал ответное слово. Тот в свою очередь передавал ребенка кормилице. Кормилица сейчас же прикладывала ребенка к правой груди. Впрочем, по сообщению некоторых наших информаторов, принять колыбель с ребенком могла и женщина — мать, сестра, племянница аталыка или кормилицы⁹. Чаще всего это бывало, когда на воспита-

³ Ш. Д. Инал-ипа, Брачно-правовые нормы у абхазов, стр. 38. Рукопись кандидатской диссертации, Архив Абх. гос. музея.

⁴ К. Д. Мачавариани, Положение женщины в Абхазии, Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (в дальнейшем цит. СМОМПК), 4, 1884, стр. 44.

⁵ В. Медведица, Очерки из закавказской жизни, «Кавказ», 1864, № 14.

⁶ Селения Ачандара, Блабурхва, Джирхва, Дурипш, Лыхны; ср. Н. Дубровин, История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. 2, Очерк Кавказа и народов его населяющих (Абхазы), стр. 54; В. Соловьев, Кавказские легенды, Соч., т. 6, стр. 8.

⁷ Селения Абгархук, Ачандара, Хопы.

⁸ Н. Дубровин, Указ. соч., стр. 54; Савинов, Достоверные рассказы об Абхазии, «Пантеон», 1850, № 3, стр. 5.

⁹ Селения Абгархук, Блабурхва, Джирхва, Киндги.

ние отдавалась девочка. Перед отъездом кормилицу, человека, бравшего ребенка, а если семья была богатой, то и всех приехавших наделяли подарками. Кормилица получала одежду, котел для варки пищи, иногда лошадь или корову, а также все необходимое для ребенка. Количество и ценность подарков всецело зависели от состояния семьи воспитанника. С. Тарба, например, воспитывавшая дочь дворянина Т. Микамба, по ее словам, получила в числе прочих подарков хорошую лошадь.

Сообщение Дубровина о том, что ребенка к дому кормилицы несли между двумя рядами девушек, поющих колыбельную песню, нашими информаторами подтверждено не было. Возможно, что этот обычай исчез и уже успел забыться. Если воспитатели жили в другом селении, колыбель с ребенком привязывали к спине лошади и таким образом доставляли к месту назначения. Всю процессию обязательно сопровождало несколько человек из дома ребенка. У входа в свой дом кормилица произносила небольшую молитву высшему богу Аицфы, прося его даровать ребенку здоровье и счастливую жизнь, а затем передавала ребенка своему мужу. Тот вносил его в дом и в свою очередь обращался к богу с молитвой, в которой просил, в частности, избавить ребенка от мести и вражды. Не подтвердилось и сообщение Дубровина о том, что воспитатель-христианин, взяв ребенка в свой дом, клал его на пол и просил благословения девы Марии, после чего брал кусочек священного воска и прикасался им несколько раз к губам ребенка, затем рисовал на куске жести крест, вырезал его и, зашив в кожу, надевал на шею ребенка, произнося при этом снова молитву¹⁰. Кормилица укладывала воспитанника в люльку и начиналось пиршество, в котором принимали участие родственники семьи аталыка, его соседи и сопровождавшие ребенка его родственники.

Если воспитанник был сыном небогатых и незнатных родителей, обедневших дворян или крестьян, то вся церемония отдачи на воспитание носила менее торжественный характер. В этом случае за ребенком приезжали только после его рождения, число приехавших было невелико, подарки и пиршества — скромны.

Ребенок воспитывался в семье аталыка точно так же, как если-бы он находился в доме родителей. Мальчика — будущего князя или дворянина — учили преимущественно верховой езде, джигитовке, умению владеть холодным и огнестрельным оружием, охотничьим навыкам, умению ориентироваться ночью и т. п. Девочек обучали домашним ремеслам, приготовлению пищи, танцам, игре на музыкальных инструментах, пению. Молочные братья учили девочку ездить верхом и владеть оружием. За наружностью юной дворянки тщательно следили: ухаживали за волосами и кожей лица, затягивали в пояс-корсет, чтобы сделать талию тонкой, а грудь плоской.

Когда ребенку исполнялось 7—8 лет, его привозили на свидание к родителям. Воспитанник или воспитанница ехали рядом с воспитателями на коне, празднично оседланном, одетые в полный мужской или женский костюм, сшитый специально для этого случая. Воспитатели везли с собой подарки родителям ребенка. Те устраивали пир, а при отъезде одаривали воспитателей вещами, стоимость которых должна была в несколько раз превосходить стоимость полученных подарков. Затем ребенок снова на несколько лет расставался с родителями и окончательно возвращался к ним лишь по достижении 10—14 лет¹¹. Впрочем, в самом конце XIX — начале XX в. срок пребывания в семье аталыка, повидимому, сократился до 8—10 лет.¹²

¹⁰ Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 54—55.

¹¹ Ср. Н. Дубровин. Указ. соч., стр. 54—55; К. Д. Мачавариани, Указ. соч., стр. 53—54.

¹² Селения Ачандара, Блабурхва, Джирхва, Дурипш.

Возвращая сына или дочь родителям, воспитатели привозили еще более богатые подарки. Пышнее был пир, устраивавшийся семьей воспитанника по случаю его возвращения, значительно ценнее были подарки, которыми одаривали аталыка и кормилицу при их отъезде домой. Отец мегрельского князя Беко Сабагаро подарил абхазской семье, воспитавшей его сына, 5 лошадей, 30 коров и 2 дыма крепостных крестьян¹³. Джигет, воспитавший князя Тараскана Анчабадзе, возвращая воспитанника, привел 100 оседланных и 100 неоседланных лошадей, прося отплатить за все его заботы деньгами, и князю Анчабадзе для того, чтобы расчитаться с аталыком, пришлось прибегнуть не только к чрезвычайно обложению своих подвластных, но и к помощи родственников-однофамильцев¹⁴.

Бывало, что мальчик или девочка вступали в родительский дом, как в чужую семью. К своим родителям они относились с должным уважением, но не питали к ним особой любви. Родных они видели в семье своих воспитателей, с которыми на всю жизнь оставались связанными узами самой сильной привязанности. Они тосковали по своим молочным братьям и сестрам. В среде привилегированных сословий по возвращении девочки к родителям с ней до самого замужества нередко жила ее молочная сестра, оставаясь ее первой подругой. Сухумская жительница С. М. А., воспитывавшаяся в семье аталыка, говорила нам, что ее родная мать до сих пор остается для нее чужим человеком, что детей своих молочных братьев и сестер она считает своими настоящими племянниками и что она до сих пор очень тяжело переживает смерть одного из ее молочных братьев, погибшего во время Великой отечественной войны.

Узы, связывавшие две семьи на почве аталычества, считались едва ли не более крепкими, нежели кровные. Молочный брат воспитанника обязан был мстить за убийство кого-либо из его родственников, то же самое вменялось в обязанность последним. Полностью исключались брачные связи не только между двумя непосредственно связанными аталычеством семьями, но и между всеми их родственниками и однофамильцами; достаточно было кому-нибудь сказать: «между вами *ахашара*» (родство по воспитанию), чтобы брак становился невозможным. Воспитатели каждый праздник посещали своего воспитанника, привозя подарки. Прекратить обмен подарками значило прервать *ахашара*. По случаю свадьбы воспитанника кормилица получала подарки и в свою очередь одаривала его чем-либо, обычно постельными принадлежностями. То же бывало при выходе замуж сестер воспитанника или при женитьбе его братьев. Воспитатель обычно дарил вступающему в брак воспитаннику лошадь. Когда умирал один из членов семьи воспитанника или аталыка, другая семья носила траур как по кровному родственнику, а если семья воспитанника была знатной, то траур по ее умершему члену носила не только семья аталыка, но и вся его фамильная группа¹⁵.

Институт аталычества, широко распространенный на Кавказе и за его пределами, давно уже привлек к себе внимание исследователей. Существует ряд теорий, односторонне объясняющих происхождение и значение аталычества различными экономическими, общественно-политическими, психологическими и иными причинами¹⁶. Новейшее и, повидимому, наиболее основательное объяснение, предложенное М. О. Косвеню, рассмат-

¹³ В. Медведица, Указ. соч.

¹⁴ К. Д. Мачавариани, Указ. соч., стр. 54.

¹⁵ Г. Ф. Чурсин, Абхазы, 1937. Рукопись, Архив Абхазск. н.-иссл. ин-та.

¹⁶ См. Альбов, Этнографические наблюдения в Абхазии, «Живая старина», 1893, 3, стр. 319; Ган, Поездка в Мингрелию, Самурзакань и Абхазию, «Кавказский Вестник», 1902, № 5, стр. 53; Державин, Абхазия в этнографическом отношении, СМОМПК, 37, 1907, стр. 26—27; Джанашивили, Абхазия и абхазцы, Записки Кавказского отдела Русского географического общества, т. 16, 1894, стр. 20; М. Ковалевский, Современный обычай и древний закон, т. 1, М., 1886, стр. 284; К. Л. Мачавариани, Указ. соч., стр. 43.

Привая аталычество как одну из пережиточных форм авункулата, относит его возникновение к эпохе перехода от матриархата к патриархату, когда ребенок все еще принадлежал к роду матери и, если брачное поселение было патрилокальным, воспитывался дядей по матери. С развитием патриархальных отношений отдача детей в род матери постепенно заменялась временным переходом в него с последующим возвращением в семью отца, а в конечном итоге свелась к аталычеству в его современном виде¹⁷. Это объяснение, основанное на исследовании института аталычества у большого числа кавказских и других народов, может быть отчасти подтверждено и абхазским материалом. Термин *ахунха*, означающий в абхазском языке одинаково воспитанника и воспитанницу, дословно переводится как «цена дочери», «замена дочери» или «взамен дочери»; происхождение этого термина можно понять лишь таким образом, что члены рода ушедшей к мужу женщины удовлетворялись, получая «взамен» ее ребенка и рассматривая этого ребенка как «замену». Характерной чертой связанных с аталычеством обычаев М. О. Косвен считает то обстоятельство, что здесь «выступает преимущественно именно аталык, а не воспитательница, ибо дело здесь не в воспитании, а в принадлежности к материнскому роду, и на первом плане здесь не кормилица, а архаический дядя, глава материнского рода в эпоху превращения матриархата в патриархат»¹⁸. Известный нам абхазский материал не дает прямых указаний на преимущественную роль аталыка, а не воспитательницы, но этимологический анализ абхазских терминов и в этом случае отчасти подтверждает указанную М. О. Косвеном черту аталычества. Воспитатель и воспитательница соответственно обозначаются в абхазском языке терминами *абадзей* («отец-няня») и *анадзей* («мать-няня»), тем не менее вся группа воспитателей в целом именуется *абраа* — «отцы».

Едва ли нужно говорить о том, что уже задолго до описываемого нами времени аталычество не отражало принадлежности ребенка к материнскому роду, а сами аталыки вовсе не были родственниками семье воспитанника. В феодальной Абхазии институт аталычества полностью потерял свое прежнее родовое содержание и в числе других родовых пережитков был использован феодальной верхушкой для увеличения повинностей зависимого крестьянства. Феодал, отдававший ребенка на воспитание своему подвластному, перекладывал на его плечи значительную долю расходов по содержанию ребенка и одновременно посредством породнения приобретал особенно послушного и преданного приспешника. С другой стороны, аталык, обычно возмещавший подарками, полученными от феодала, лишь часть своих расходов, в известной мере вознаграждался тем, что в условиях феодальной анархии приобретал сильного покровителя, под защитой которого мог не опасаться кражи своих буйволов или насилий соседнего феодала. Именно поэтому беззащитный крестьянин или обедневший дворянин часто не считался с расходами и шел на все, чтобы заполучить воспитанника из какого-нибудь могущественного феодального семейства.

В других случаях князья и дворяне, отдавая детей на воспитание в семьи других князей и дворян, нередко иноплеменников, имели целью установить прочные родственные отношения между двумя феодальными фамилиями и, таким образом, еще более усилить свое общественно-политическое влияние. Здесь взаимные выгоды обоих семейств выступали с особой наглядностью и несомненностью.

Сказанное объясняет и то, почему в феодальный период аталычество почти перестало практиковаться в собственно крестьянской среде: крестьянину не было выгоды брать на воспитание сына своего соседа, та-

¹⁷ М. О. Косвен. Аталычество, «Советская этнография», 1935, № 2, стр. 50 и сл.; его же, Авункулат, «Советская этнография», 1948, № 1, стр. 34.

¹⁸ М. О. Косвен, Аталычество, стр. 59.

кого же бедного и беззащитного, как и он сам. Поэтому отношения аталычества среди крестьян имели место лишь иногда, притом главным образом между богатыми и влиятельными крестьянами-анхайю и бедняками-ахуйю или же между двумя влиятельными крестьянскими семьями.

Несколько обособленно стояло аталычество, связанное с примирением кровников. В этих случаях либо семья убийцы старалась похитить ребенка из семьи убитого и объявить его своим воспитанником, либо семья убитого по решению суда брала к себе на воспитание сына, племянника или другого близкого родственника убийцы, возвращая его затем родителям. Однако и этот вид аталычества был по существу проникнут феодальным началом, ибо к примирению всегда стремилась более слабая сторона, и на нее именно ложились в конечном итоге материальные тяготы аталычества.

II

Во многом сходен по своей социальной роли с аталычеством феодальной эпохи другой абхазский институт, известный в литературе под именем усыновления, до настоящего времени не только не истолкованный, но и достаточным образом не описанный¹⁹.

Абхазы знали три вида усыновления. Первый, наипростейший, носивший общее для всех видов усыновления название *ахунхара* («усыновление»), обычно практиковался при желании обеспечить себе безопасность среди чужих людей, упрочить дружественную связь между двумя лицами или семьями. Усыновление *ахунхара* всегда касалось только взрослого человека. Именно к такому усыновлению прибег Торнау, когда он из предосторожности породнился с одним из своих проводников, трижды прикоснувшись губами к груди его жены и поднеся ей ценные подарки²⁰.

Второй вид усыновления носил название *ашахунхара*, т. е. «усыновление кровника». По своему значению он близок к аталычеству, связанному с примирением кровников. Усыновляемым обычно являются кто-либо из близких родственников убитого, безразлично, — взрослый или ребенок, сын, родной или двоюродный брат, отцовский или материнский племянник. Случалось, что усыновлялся сам убийца или один из его родственников. Обряд усыновления — *ашахунхара* происходил в более или менее торжественной, в зависимости от имущественного и сословного положения сторон, обстановке. В назначенный день усыновляемый являлся в дом своего приемного отца. Устраивался пир, после которого направлялись в соседнее помещение, где ожидала мать, сестра или жена усыновителя. Обычно она сидела на сундуке, с лицом, закрытым платком, и с обнаженной грудью. Усыновляемый преклонял колени на расстеленную перед сундуком бурку и трижды касался губами груди женщины. Это называлось *акыка-арцхара* — «кусание сосков». Вслед за тем одна из женщин, стоявшая позади сундука, накрывала грудь усыновительницы кисеей и открывала ей лицо. Присутствовавшая при этом молодежь бросалась к бурке; первый, завладевший ею, становился ее собственником. Мужчины возвращались к столу и пир возобновлялся. Усыновитель вставал, и держа в руке стакан вина, произносил: «С этого дня мы считаем тебя вскормленным грудью в нашей семье, мы одного с

¹⁹ Ф. Торнау, Воспоминания кавказского офицера, «Русский вестник», 1864, № 10; А. Введенский, Религиозные верования абхазов, «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 5, 1871; Джанашвили, Указ. соч.; Джанашия, Религиозные верования абхазов, «Христианский Восток», 1915, № 4; Г. Ф. Чурсин, Указ. соч.; И. Антелава, К вопросу о феодальных отношениях в Абхазии в 17—18 вв., «Труды Абх. гос. музея», вып. I, Сухуми, 1947.

²⁰ Ф. Торнау, Указ. соч., стр. 394.

тобой образа мыслей и не пожалеем для тебя ничего. Надеемся, что и для нас ты не поскупишься ничем. Ты будешь пользоваться большими, чем другие воспитанники, почетом»²¹. С последними словами усыновленному передавались заранее приготовленные для него подарки. К усыновлению — *ашахунхара*, как и к породнению кровников путем аталычества, прибегали нередко в тех случаях, когда семья убитого не желала примирения. В таком случае убийце, стремившемуся избегнуть мести, достаточно было ворваться в дом убитого и коснуться груди его матери, сестры или жены. Иногда убийца с несколькими товарищами или родственниками подкарауливал нужную ему женщину на дороге и, пока товарищи держали ее за руки, касался губами ее груди. Тот же результат достигался иным способом: мать, сестра или жена убийцы прокрадывалась в дом убитого, хватала одного из детей и делала вид, что кормит его грудью. После этого, так же как и после совершения развернутого обряда усыновления, вражда и месть делались невозможными.

Самым распространенным, однако, был третий вид усыновления, носивший название *авнадара* — «пропускание через дом», всегда представлявший собой усыновление взрослого человека. Как правило, этот вид усыновления заключался в том, что бедная и слабая крестьянская семья усыновляла феодала или же богатого и влиятельного крестьянина-анхайю. Иногда нижестоящий феодал усыновлял вышестоящего. Обряд усыновления — *авнадара* не отличался от вышеописанного, но обставлялся торжественно и пышно. Усыновление — *авнадара* могло сопровождаться и обрядом *амаха-ахашари*, «породнением посредством бедра». При этой форме прикосновение к груди женщины заменялось поднесением усыновляемому бедра заколотого для пира животного.

В результате *авнадара* между усыновленным и усыновителем устанавливалась тесная связь. Обе стороны постоянно обменивались подарками, причем подарки усыновителя, по словам всех наших информаторов, значительно превышали стоимостью подарки усыновленного. Усыновители обязаны были помогать своему приемному сыну при постройке дома, при устройстве свадеб, похорон, поминок. Во всех случаях они должны были становиться на защиту его интересов; бывало нередко, что усыновитель принимал на себя вину в преступлении, совершенном приемным сыном, — конокрадстве, разбое, убийстве и пр. Усыновленный в свою очередь защищал усыновителей от произвола соседних феодалов, насилий, грабежей и всякого рода обид.

В памяти стариков сохранилось немало примеров усыновления — *авнадара*. 68-летний Т. Тарба рассказывал нам, что княгиня Анчабадзе, владевшая селением Отхара, была неоднократно усыновлена не только членами основной в этом селении фамильной группы Айба, но и жителями соседнего селения Дурипш. Аталык князя Х. Анчабадзе, Д. Ахуба, с тех пор как его воспитанник вошел в силу, был усыновлен свыше 100 раз. 85-летняя Ф. Хашиг (с. Хопы), по ее рассказу, была усыновительницей влиятельного крестьянина селения Джирхва З. Шамба. Неоднократно была усыновлена мугудзырхвинская «прорицательница» З. Пашкюрия. Иногда усыновление — *авнадара* носило коллективный характер. В с. Киндги нам рассказывали, что в середине XIX в. абжуйцы, разоряемые враждой своего князя с владетельным князем Абхазии Хамудбеем Шервашидзе, решили усыновить Хамудбея. Из с. Киндги было vybrano 12 женщин-усыновительниц, и, когда князь поочередно коснулся их груди, ему было подарено 60 коров и 30 быков. О таком же коллективном усыновлении сообщает Джанашия, рассказывая, как женщины одного из абхазских селений во время эпидемии оспы «усыновили» бога

²¹ Перевод И. А. Аджинджала; ср. Джанашивили, Указ. соч., стр. 22.

оспы Ахи Зосхана и его жену: родство с богом должно было отвести от них несчастье²².

При истолковании абхазского усыновления необходимо различать два вопроса: происхождение этого института и его значение в период, когда он обнаружен и зафиксирован, т. е. в XIX—XX вв.

Вопрос о происхождении и первоначальном значении абхазского усыновления требует еще тщательного изучения. Прежде всего, совершенно очевидно, что это так называемое усыновление не имеет ничего общего с настоящим усыновлением — принятием в род, родовую группу или семью. Любая, даже пережиточная форма классического принятия в род, описанного Морганом на ирокезском материале и показанного Энгельсом в качестве примерного образца²³, должна быть связана либо с фактическим переходом усыновленного в новый коллектив, либо, по крайней мере, с перенесением на усыновленного родового или семейного имени усыновителей. Такое настоящее усыновление знали и абхазы, не только индивидуальное, но и коллективное. В селениях Дурипш и Адзюбж старики называли нам ряд фамилий, некогда вынужденных вследствие своей малочисленности и слабости включиться в состав других фамилий, причем менялось и самое фамильное имя. Память об этом сохраняется до сих пор, и иногда такие усыновленные группы сохраняют пережиточно характер особых патронимий. Аналогичным по своим результатам было и практиковавшееся абхазами усыновление детей их родственниками или односельчанами. Осиротевшие дети или даже дети бедных многосемейных родителей переходили в дом своего усыновителя и принимали его фамильное имя, фамильный культ и т. п.

Ничего этого нет в интересующем нас своеобразном институте. Здесь усыновляемый остается членом своей семьи, патронимии и фамильной группы, сохраняет свое прежнее имя, родственные отношения, фамильный культ. У него лишь устанавливаются определенная связь, определенные родственные отношения с усыновителем и всей его фамильной группой. Таким образом, весьма трудно предположить, что описанный нами институт является одной из поздних форм настоящего усыновления, и если мы продолжаем называть его этим термином, то лишь потому, что изменение установившейся в литературе терминологии внесло бы путаницу.

Нам думается, что описанные выше три вида усыновления у абхазов представляют собой три самостоятельные формы *молочного породнения*, вызванные тремя различными причинами. Первый вид усыновления, имевший место при желании обеспечить себе безопасность среди чужих людей, по смыслу близок к побратимству и куначеству. Второй вид, как уже отмечалось, имея целью примирение кровников, являлся одним из способов прекращения кровной мести. Третий, самый распространенный и игравший наибольшую роль вид усыновления, представляется нам наиболее поздней формой, порожденной развитием феодальных отношений в разлагавшейся абхазской общине и стремлением феодалов всеми способами увеличить число зависимых лиц. Классовый характер усыновления — *авнадара* совершенно очевиден. Невинная оболочка молочного родства прикрывает здесь феодальную эксплуатацию усыновителей их приемным сыном, различные виды феодальных повинностей прикрываются фиговым листком молочного-родственной помощи. Институт *авнадара*, как мы видели, предоставлял усыновляемым феодалам разнообразные выгоды; что касается усыновителей — крестьян, то, с одной стороны, в условиях феодальной анархии, беспрестанных войн, насилий и грабежей им нужен был сильный покровитель, с другой стороны, сам феодал нередко вынуждал крестьянина к усыновлению. Для этого,

²² Джанашия, Указ. соч., стр. 110.

²³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1937, стр. 115.

как рассказывают старики-информаторы, будущий приемный сын систематически вытаптывал посевы, организовывал кражу скота и в конце концов вынуждал беззащитного крестьянина усыновить себя как защитника и покровителя.

Поздний, сравнительно с другими видами усыновления, характер *авнадара* доказывается и тем, что, наряду с обычным для всех видов молочного породнения обрядом «кусания сосков», *авнадара* нередко сопровождалось «породнением посредством бедра». Бедра — распространенный символ мужской потенции²⁴; следовательно, «породнение посредством бедра» должно рассматриваться как стремление заменить архаичское породнение через женщину мужским, отцовским породнением.

Можно предположить, что общественное значение усыновления — *авнадара* в различные периоды было не вполне одинаково. Некогда, в эпоху первоначальной дифференциации абхазских общин, это, возможно, была своеобразная клиентела: богатый и влиятельный человек помогал и покровительствовал своим усыновителям, чем создавал круг людей послушных и преданных. С развитием в Абхазии феодальных отношений *авнадара* принял характер коммендации, ведущей к установлению феодальной зависимости; именно в таком виде застаем мы этот обычай в XIX в., когда усыновление и молочное родство прикрывали жестокую феодальную эксплуатацию крестьянства дворянами и богатыми крестьянами. Интересная и, кажется, редкая особенность *авнадара* заключается в том, что усыновлялся не покровительствуемый, а покровитель, т. е. перед нами явление, не только по выполняемой роли, но и по некоторым внешним признакам равнозначное аталычеству в феодальный период. Однако, очевидно, что по своему происхождению институты аталычества и усыновления не имеют ничего общего.

Таким образом, и аталычество и усыновление — *авнадара* сохранялись в дореволюционной Абхазии как феодализованные родовые институты, используемые привилегированными сословиями для увеличения тягот крепостного и полукрепостного крестьянства. В этой роли продолжали они оставаться и в пореформенной Абхазии, Абхазии конца XIX — начала XX в., служа уже интересам не только помещиков-феодалов, но и нарождавшегося класса абхазского кулачества. Точно так же, как и феодал, абхазский кулак охотно обращался к традиционному аталычеству и усыновлению, чтобы прикрыть ими ростовничество и кабалу, грабеж и эксплуатацию. Как и феодал, абхазский кулак старался с помощью родовых стародедовских традиций сгладить и затушевать классовые противоречия, все более и более обострившиеся в абхазской крестьянской общине. До некоторой степени это ему удавалось, но удавалось с каждым годом все меньше, ибо параллельно обнищанию абхазского крестьянства росло его классовое сознание и увеличивалась воля к борьбе с тройным гнетом — крепостничества, капиталистической эксплуатации и колониального гнета царского самодержавия.

Традиционная пережиточно-родовая оболочка институтов аталычества и усыновления обусловила особенную их живучесть. Подобно кровной ести, эти феодализованные родовые институты оказались более стойкими, нежели чисто феодальные установления, и для полного преодоления их потребовалась особенно длительная и упорная борьба со стороны советских и партийных органов, начавшаяся сразу же после Великой октябрьской социалистической революции и установления в Абхазии советской власти.

Аталычество исчезло в Абхазии в 20-х годах нашего века вместе с исчезновением экономического и общественного неравенства, определявших собой этот обычай в его последней стадии. Несколько дольше сохранялась отдача детей на воспитание с целью прекращения кровной

²⁴ Ср. «Кн. Бытия», XLVI, 26.

мести. Именно поэтому воспитывался в семье своего односельчанина Чедия 22-летний житель с. Ачандара А. Хакба. О случае похищения ребенка с целью прекращения кровной мести сообщает одно из дел Центрального гос. архива Абхазской ССР²⁵. Однако окончательное исчезновение в начале 30-х годов обычая кровной мести привело к полному исчезновению и этого вида аталычества.

Аналогичным образом исчезло в 20-х годах усыновление — *авнадара*, а к началу 30-х годов усыновление — *ашахунхара*. Небезинтересно, что в первые годы после установления в Абхазии советской власти обычай примирения кровников путем породнения был использован местными органами власти в целях предупреждения кровной мести. Традиционное породнение проводилось специальной примирительной комиссией, избранной с санкции сельсовета и при участии уполномоченных сельсовета или райсовета. Именно о таком примирительном породнении говорится в протоколе заседания примирительной комиссии Квитаульской общины от 29 июля 1924 г.²⁶ В самом начале 30-х годов вместе с последними случаями кровной мести прекратилась деятельность примирительных комиссий и отмерло самое усыновление — *ашахунхара*.

Следует также отметить, что в 20-х годах вытесняемое абхазское кулачество, утрачивая традиционные способы эксплуатации своих взрослых односельчан посредством усыновления — *авнадара*, начало особенно часто практиковать усыновление детей из бедных семей, используя их затем в качестве неофициальных батраков. Подобное усыновление или удочерение, как правило, оканчивалось судебным разбирательством: хорошим примером служит заявление одной из таких удочеренных, 12-летней девочки Ш., жаловавшейся суду на то, что удочерившая ее гр-ка Кобахия фактически держит ее на положении прислуги²⁷.

На примере аталычества и усыновления можно видеть, как вредные родовые пережитки, на протяжении ряда веков использовавшиеся феодальной, а затем кулацкой верхушкой абхазского общества, бесследно исчезли в советской социалистической Абхазии.

²⁵ ЦГА Абх. АССР, ф. 10, д. 131, «О похищении ребенка с целью прекращения кровной мести».

²⁶ ЦГА Абх. АССР, ф. 10, д. 393, л. 19, «О покушении на жизнь Алмасхит Когония».

²⁷ ЦГА Абх. АССР, ф. 10, д. 393, л. 19, «Заявление гражданки Ш.».